

Драко

Этот мир – мой.

НА ВИД ОН – РЕДКАЯ СВОЛОЧЬ,
НО ДУША ЕГО СОВЕРШЕННО НЕ СООТВЕТСТВУЕТ СОДЕРЖИМОМУ,
ПОТОМУ ЧТО В ДУШЕ ОН – ЗНАЧИТЕЛЬНО БОЛЬШАЯ СВОЛОЧЬ,
ЧЕМ НА ВИД.

АЛЕКС ЭКСЛЕР

0

– Зачем ты его привела? Зачем? Ты можешь хоть сегодня, хоть раз в жизни не поганить все вокруг своими жабыми лапами?

– Заткнись.

– Проклятая дура! – Дрейк с огромным трудом подавил желание влечь сестре пощечину. Неужели эту толстую, обрюзглую ведьму с водянистыми рыбьими глазами, вечно сжимавшую истертую Библию своими скрюченными подагрой пальцами – неужели ее Дрейк помнил веселой рыжей девчонкой, старательно (хоть и неумело) повторявшей балетные па следом за доброй фрау Земмер? Ему внезапно сделалось тошно. Чтобы не сорваться, он в гневе вышел из спальни.

Взгляды друзей и знакомых были маслянисто-заученными, лоснящимися от собственной правильности. На миг Дрейку предстала яркая, жуткая картина в стиле работ отца – будто из глаз всех присутствующих тягуче, лениво струятся на пол потоки фальшивого сочувствия. Желтые, как моча, скользкие, источавшие смрад отработанного моторного масла. Чуть не подавившись, Дрейк с трудом заставил себя

кивнуть и поспешно, глядя под ноги, скользнул на веранду.

Там людей было меньше. Стараясь ни на кого ни смотреть, Дрейк отошел в угол, к старенькой глиняной кадке, где вместо растения блестела вкопанная до половины виолончель. Замок изобиловал подобными артхаусными причудами. Что с ними станет теперь? Кто займет опустевшее логово? Неужели, после отца, здесь осмелится поселиться другой человек?

Медленно подошла Эльза – пожалуй, единственная, кого сегодня он был рад видеть. Дрейк поднял взгляд. Сочувствие на ее лице никто бы не посчитал лживым.

– Мне очень жаль, – впервые на его памяти Эльза распустила волосы, и те, каштановые, с проседью, ниспадали на тонкие плечи. – Готлиб, я... Я действительно сожалею.

Дрейк вымученно улыбнулся.

– Отец давно ждал конца. В его последних картинах тема смерти подавляет все.

– Нам от того не легче.

– Да... – Дрейк опустил голову. – Хильда привела пастора. Я не успел помешать. Он сейчас там, с отцом. Отравляет последние часы его жизни.

Эльза тяжело вздохнула. Ее тонкая, хрупкая ладонь дотронулась до его небритой щеки.

– Пусть. Не тревожься.

Дрейк невесело усмехнулся.

– Я не тревожусь. Отец... Его не зря прозвали старым драконом. Он был для меня всем. Не уверен, что любил его, как Густав, но представить, что однажды его не станет... – Дрейк в растерянности развел руками. – В голове не укладывается. Завтра эта мрачная пещера опустеет, но Вернер так и останется жить во мне. Где бы я ни был, чем бы ни занимался, его тень всегда за плечом. Я часто ловлю себя, что мысленно спрашиваю отца – можно? А как бы ты поступил?

Эльза кивнула.

– Знакомо.

– Вот– вот, – Дрейк прижался затылком к холодной стене и зажмурился. – Знаешь, свою последнюю картину он все же закончил. Врачи сходили с ума, он лишь кривил рот в ухмылке. А на обратной стороне холста вывел «Что, получила?».

Эльза слабо улыбнулась.

– Да, в этом весь Вернер. Думаю, теперь за картину будут драться все мировые музеи...

Дрейка передернуло.

– Нет. Она не продается. Только не эта работа.

Эльза подняла брови.

– Что там? Снова драконы?

– Я... покажу. Позже, – Дрейк сглотнул. – Уверен, отец не хотел, что б ее видели при его жизни.

– Я заинтригована, – Эльза отступила на шаг. Дрейк поймал себя на мысли, что до сих пор, после стольких лет, не в силах сдержать восхищения ее неземной грацией.

Внезапно ему захотелось схватить ее за руки и, впервые, отбросив любые сомнения... Порыв был столь силен, что, на миг, он даже поверил, будто в этот раз мужества хватит. Но отец умудрился вмешаться даже сейчас: прежде, чем Дрейк поддался эмоциям, в дверях возникла высокая, костлявая фигура священника.

– Господа, – негромко сказал пастор, – Вернер Дрейк, герцог фон Мауфсгартен, величайший скульптор и живописец нашего времени, любящий муж и отец четверых, почил в мире и благочестии в кругу семьи. Обнажим головы, но сдержим слезы, ибо он теперь в лучшем мире.

И хотя тишина, воцарившаяся следом, вызвала бы у покойного герцога лишь ухающий старческий смех – иногда ошибаются и самые закоренелые скептики. О чем никто из присутствующих, разумеется, даже не подозревал, хоть многие и полагали себя искренне верующими...

1

Мига смерти Вернер не ощутил. Просто мутная, расплывчатая пелена, уже давно заменившая ему зрение, ноющая тупая головная боль и резь в спине, жжение в горле, а главное – ленивый и вечно пьяный негр, неохотно и невпопад стучавший по старому дребезжащему тамтаму в груди – все это разом исчезло. Пропало и чувство времени, так что Вернер не знал, как долго парил в небытие, прежде, чем встретил Его.

Никакие человечьи сказки, ни одна легенда или теория не сумели бы подготовить к такому. Бог – если это, конечно, был бог, поскольку само понятие «был» в применении к нему казалось нелепым – не существовал, и в то же время являлся единственно реальным объектом Вселенной. Говорить о нем «объект» было примерно столь же верно, как называть любовью спрессованный дым, или ждать от квазара зеленых манер в плоскости дирижабля, сотканного многогранными песнями. Однако даже в подобном, действительно непостижимом – всемогущий Разум находил знакомые и понятные частички.

Позже Вернер не раз пытался зарисовать, или хотя бы изложить на бумаге память об этой встрече. Но задачка оказалась не из легких, поскольку разумные существа – не только люди, любые – мыслят последовательно. Наблюдение – осмысление – вывод. Реже осмысление – вывод – наблюдение. Все это растянуто во времени и следует одно за другим.

Не так мыслил Он. Вернее, Он не мыслил – ведь даже отдельно взятая мысль это все равно процесс, имеющий начало и конец, разделенные сколь угодно малым, но временем.

Насколько Вернеру удалось (позже) понять, Он существовал вне времени, и потому Его квантовый разум одновременно находился во всех возможных состояниях – словно вечная человечья жизнь, скомканная до математически идеальной точки, не имеющей измерений, и при этом существующей сразу во всех. Диалог с Ним можно очень грубо представить в виде бесконечного списка вопросов, на каждый из которых заранее дано бесконечное число ответов, и сознание человека – коснувшись Его – будто перфокарта древних ЭВМ накрывает те вопросы и те ответы, которые могли бы быть заданы и получены в ходе беседы. Все разом, не поочередно! На самом деле, аналогия гораздо грубее, чем кажется, ведь в действительности «беседа» не занимала времени вовсе: просто матрица личности внезапно – абсолютно мгновенно, со временем реакции равным абстрактному нулю – становилась иной, уже содержащей все ответы на все вопросы, даже на те, до которых сам человек «не додумался бы» за квадриллион квадриллионов миллиардов лет.

Вернеру хорошо запомнилось странное чувство, будто в миг контакта с Ним – одновременно – с Ним находились в контакте ВСЕ живые существа во Вселенной, со

всех планет, из каждой, даже самой дальней галактики, причем не только живущие «сейчас», но и все, которые когда-либо жили с мига Большого взрыва, и все которые еще родятся до следующего. В действительности, разумеется, так и было, ведь Он существовал вне времени. Хотя даже слово «существовал» – неверно, ибо существование тоже процесс, а Он находился в абсолютно инертном покое, так как любое движение – любое изменение – суть растянутое во времени событие...

«Перфокарта» личности Вернера, коснувшись Его, моментально избрала в Его бесконечности ответы, тревожившие разум художника. Впоследствии Вернер долго не мог понять, каким образом Он действует в физическом мире, ведь любое действие требует времени, а в потоке времени Его просто не существует, как невозможна вне математики абстрактная нуль-пространственная точка. Лишь много лет спустя художник догадался, что действия в привычном смысле и не было – контактирующий разум, жаждущий «действия», задавал Ему необходимый вопрос и получал соответствующий ответ, который – сама информация – вынуждал реальность измениться в соответствии с ожидаемым результатом. Грубо говоря, любой, коснувшийся Его, на краткий миг сам становился богом и менял Вселенную так, как ждал от Него.

А разум очень-очень редко ведает, чего желает...

Очнувшись, Вернер некоторое время пытался понять, почему лежит в траве и смотрит в ясное, глубоко-синее небо, чистое, как нераспечатанная бутылка тормозной жидкости. Мысль о бутылке породила настоящий шквал ассоциаций, что помогло разуму одолеть первичный шок и вновь заработать.

– Я жив, – вслух произнес Вернер. Прислушался к голосу – незнакомый, матовый, сочный. Зажмурившись, художник принялся требовательно опрашивать тело, и с каждой секундой его ликование росло, так как он все яснее и четче понимал происшедшее.

Он умер – действительно умер, окончательно и бесповоротно. Вот только смерть, похоже, оказалась не последним приключением. Обрывочные, скомканные впечатления от встречи с богом метались по закоулкам памяти, выглядя до того нереальными и шокирующими, что Вернер усилием воли загнал их поглубже. Теология – потом, а для начала...

Он уже понял, что возродился не в прежнем теле – ощущения были слишком иными, да и привычных болей не осталось. Казалось странным, что новую жизнь предстоит начинать сразу взрослым – куда логичнее было бы перевоплощение в зиготу, или хотя бы в эмбрион... Впрочем, коли ты всегда потешался и издевался над теориями о загробной жизни – не тебе рассуждать, насколько она логична. К тому же, Вернер серьезно сомневался, что его новую жизнь следует именовать «загробной». Слишком уж реальной она казалась даже с закрытыми глазами.

Он начинал медленно, еще боясь верить, понимать, что мимолетный, призрачный контакт с несуществующе–вездесущим позволил его разуму задать Вопрос, и получить тот единственный Ответ, о котором Вернер свирепо, безжалостно запрещал себе мечтать всю предыдущую жизнь.

Робко, пытаясь одолеть давнюю психическую блокировку, выжженную им самим в собственной душе, Вернер пошевелил кончиком левого крыла. Вздрогнул, зажмурился крепче и пошевелил правым. Это чувствовалось не более странным, чем движение пальцами в прежнем теле.

Подумав о пальцах, он мысленно «нащупал» их и сжал в кулак. Ощущение оказалось потрясающим – руки и крылья, управлять которыми не труднее, чем двумя «старыми»!

– Я дракон... – прошептал Вернер, упорно не раскрывая глаз. Покатал слово на языке, втянул его терпкий, горелый аромат. Дракон... Существо, увидеть которое он всю жизнь запрещал себе мечтать. Образ, присутствовавший в каждой его картине, вплоть до того, что критики уже не обращали на это внимания, считая дракона чем-то вроде подписи эксцентричного автора. Идеал, сон, фантом, навязчивая идея, объект вождения, психическое расстройство, глупая привычка, страстная тоска одинокого, инфантилизм стареющего. В разуме Вернера, дракон успел побывать всем этим – и многим другим...

Но сейчас он вырвался на волю, и больше не был просто мечтой. Вернер чувствовал – всей ДУШОЙ – что его тело отныне принадлежит мощному, стремительному, грациозному, благородному существу. Само бытие которого отрицало все привычные человеку законы и нормы, с гордостью и торжеством расправляя бесподобные крылья над костностью – проснись, слепец, я здесь! Как же смешны твои

потуги меня объяснить!

Разум Вернера трепетал пойманной ланью, бился последним ноябрьским листом в урагане новых ощущений. Останься художник человеком, он, несомненно, сошел бы сейчас с ума, либо просто умер бы от разрыва сердца, но человеком он более не был. Ни телом, ни духом – Вернер уже замечал глубокие перемены, наступившие в душе. Куда-то без следа испарился старческий цинизм и злоба на всех, кому повезло больше, исчезли зависть, жадность, болезненное самолюбие, ненависть к самому себе за недостаток таланта – понять эту боль дано лишь творцам, когда критики и зрители тобой восторгаются, а сам прекрасно понимаешь, что ты посредственность. Вся эта грязь, будто пропитанная испражнениями обертка, незаметно сползала, бесследно растворяясь в омолаживающем звездопаде!

Вернер почти физически, каждым своим нервом чувствовал, как возвращаются по– настоящему чистые, присущие только детям любопытство и искренняя радость жизни. Он засмеялся – громко, во всю силу могучих драконьих легких, и звенящий его смех фонтаном живой воды вознесся над лугом.

Новорожденный впервые раскрыл бездонные глаза цвета янтаря и посмотрел в небо. Восторг и ликование переполняли сердце, делая дракона невесомой сказочной песней, птицей, сотканной из красоты. Он прислушался – и уловил ласковый зов небес, соскучившихся по сыну. И тогда дракон распахнул небу крылья, объяв его целиком!

С громовым хлопком крылья наполнились ветром. Взмыв над землей, будто первый смех младенца, дракон закричал от переполнявших его чувств и кричал, кричал, кувыркаясь в лучах солнца, не в силах насытиться жизнью!

...Он не помнил, сколько прошло времени. Дни, недели – какая разница? Драконы владеют вечностью. Он мчался над лесами и кристально – чистыми реками, каждой клеточкой впитывая мириады ароматов, он нырял с высоты в озера, что казались пустыми – до того прозрачный наполнял их нектар. Память о прошлой, человеческой жизни, стремительно тускнела, будто жуткий кошмарный сон в объятьях матери. Пьяный от счастья, дракон с каждым днем погружался все глубже в океан наслаждений, искренне веря, что живет в раю, и лишь изредка ощущал изумление от мысли, что во Вселенной существует планета, столь полно отвечающая его прежним мечтам.

Он еще не понимал, что сам сотворил этот мир.

2

Прошло много времени – быть может, годы – прежде, чем изначальный восторг слегка остыл, вновь возвращая ликующего дракона в ряды разумных существ. Теперь он звал себя Ветром, отбросив старое человеческое имя, как вновь рожденная бабочка – сухой кокон. С зеркальной глади озер на дракона смотрело изумительное, грациозное существо, высшая точка гармонии, предел развития живой материи. В нем не было ни единой черты, о которой нельзя было бы сложить песню. Радужная сверкающая чешуя меняла цвета в зависимости от угла зрения, полированный металл рогов отражал солнце, прозрачная перепонка широких крыльев на ощупь напоминала теплый шелк. Магическое, нереальное существо, дракон не нуждался в пище и воде, не ведал усталости и боли, не чувствовал потребности во сне. Он просто был – сочащийся совершенством плод фантазии, звездный мотылек, величайшая картина художницы–жизни.

Месяц за месяцем проводил Ветер в этом благословенном краю, алмазной стрелой проносясь над лугами, где паслись не ведавшие смерти звери, играл с птицами в небе, а ночами танцевал у вулкана вместе со светлячками. Иногда он целыми днями лежал в траве, наблюдая за деловитой суетой муравьев. Но постепенно, очень медленно, разум начинал подавлять эмоции, и в душе дракона зарождались новые, уже не столь простые желания. С каждым днем Ветер все сильнее мечтал о встрече с сородичами.

Когда жажда общения уравновесила тягу к нирване, дракон распахнул гремящие крылья и помчался на север. Он не гадал, куда лететь – ведь с ним была вечность. Времени хватит на все, а север – ничем не хуже других направлений. Рано или поздно, пусть через тысячу лет...

К счастью, так долго ждать не потребовалось. Спустя месяц поисков, Ветер

шестым чувством уловил теплый, странно знакомый терпкий аромат – будто кто-то родной, исключительно ему близкий, недавно промчался здесь, в небе, держа путь к нависавшим над горизонтом седым шапкам гор. Издав ликующий вопль, дракон бросился по следу.

Тогда он впервые увидел город. Станный, приземистый город с округлыми домиками и массивным кубическим замком в центре, город прятавшийся за высокими стенами, город, окруженный полями и деревеньками, город из человеческих сказок – нечто, абсолютно чуждое планете драконов. Изумленный, Ветер кругами парил в высоте и вспоминал, что уже видел дороги, пересекавшие луга. Трепещущий ликованием, он тогда пропускал их мимо рассудка, просто не замечая, но теперь... Теперь дракону с каждой секундой становилось яснее, что мир вокруг принадлежит не только драконам.

Нырять к городу он не стал – сильнее любопытства Ветра манил призрачный аромат в воздухе. Бросив вниз последний взгляд, дракон ударил крыльями и помчался дальше, к горам, навстречу главной тайне нового бытия. Инстинкт вел его безошибочно: лавируя меж скал, то взмывая навстречу небу, то пикируя в туманные ущелья, проносясь над водопадами и заснеженными долинами, Ветер все же отыскал свою цель. Высоко на отвесном склоне, залитое солнцем плато и манящая, уютная арка пещеры, заботливо украшенная самоцветами. Неслышно опустившись на скалу, дракон, будто впервые узревший небо котенок, робко потянулся к пещере и телом, и разумом.

– Я здесь! – позвал он тихо. Ответ последовал не сразу, словно обитателю пещеры было так же непросто собраться с духом. И все же, наконец, глазам потрясенного Ветра предстала картина, способная лишить дыхания даже менее творческую натуру.

Казалось невозможным, но Она была еще прекраснее. Все ее темные, перламутрово– лазурные чешуйки, каждая из них, отражали Солнце тысячами бесцветных искр, рождая незримые волны атласного света, мягко струившегося по ее совершенному телу, будто молоко по сапфиру. Проникая сквозь тончайшую лазурную перепонку, лучи Солнца окрашивались в ликующий ультрамарин и танцевали на скалах, оживляя даже самые старые камни. А заглянув в бездонные, блестящие как

роса на сирени глаза драконессы, Ветер ощутил, что мир вокруг – просто театральная сцена, нелепая декорация, оправда драгоценного камня, призванная лишь оттенять Ее бесчисленные грани.

Время остановилось само. Утопавшие в свете, Дракон и Драконесса замерли друг перед другом, и если б даже во всей Вселенной, кроме них, не осталось ничего – эти двое придали бы существованию Вселенной достаточно смысла.

– Я Ветер, – произнес наконец дракон, чувствуя, что еще немного – и не выдержит даже его новое, могучее сердце.

Драконесса робко улыбнулась.

– Я Волна.

И вновь повисла тишина, восторженная, не верящая. Дракону внезапно стало тошно – почему, ну почему слова столь примитивны, ведь ими не выразить ничего! К счастью, в их распоряжении были не только слова, но и взгляды, и необъяснимое, глубоко интимное чувство родства, знакомое лишь тем, кто любил. В тот день они больше не произнесли ни слова.

Так начался следующий, стократ более счастливый период в жизни Ветра. Они с Волной были в полном смысле слова созданы друг для друга, и понимали это не разумом, даже не сердцем – а чем-то еще более глубоким, более нежным. Бывали дни, когда дракон и драконесса просто смотрели друг на друга, чувствуя, как мысли сливаются, а сердца бьются в унисон. Ночами тела их соединялись в жаркой драконьей любви, но даже она не значила ничего в сравнении с полной, абсолютной гармонией двух душ. Если понятие «счастье» имеет хоть какой-то смысл, то Ветер и Волна были счастливее всех во Вселенной.

Как-то раз, спустя бесчисленные радостные дни и страстные ночи, дракон и драконесса лежали на скале, греясь под солнцем, когда она внезапно сказала:

– У нас будут дети.

Ветер, восторженно обернул голову и весело рассмеялся.

– Прекрасно!

– Да... – Волна отвела взгляд. – Только это рождает вопросы.

Дракон с легким недоумением склонил голову набок.

– Какие?

– О нас, – вздохнула драконесса. – О таких, как мы.

– Таких, как ты, больше не существует, – с любовью шепнул Ветер. Волна тихо улыбнулась.

– Речь о другом, милый. У нас будут дети, то есть драконы способны размножаться, как обычные существа. Значит, должны быть и другие драконы. Мы не столь сказочны, как полагали.

Ветер рассмеялся.

– С твоей помощью, мы быстро заселим драконами этот мир!

– Любимый, – Волна подняла голову. – Так нельзя. Ведь мы пока видели лишь малую частичку нашего дома. А что, если там, – она обернулась, – За горизонтом, все иначе? Что, если детям там будет грозить опасность?

– Опасность? – недоверчиво переспросил Ветер. – Родная, о какой опасности ты говоришь? Этот мир – наш!

– Нет, – коротко ответила драконесса. – Этот мир твой. И так же, как я была сотворена твоею идеальной подругой, все прочее вокруг нас рождено твоим разумом.

Ветер отпрянул.

– Я не понимаю.

– Понимаешь, – драконесса ласково улыбнулась. – Ты все понял еще в первую ночь, когда, забывшись в экстазе, звал меня Селеной.

Дракон в ужасе приоткрыл пасть.

– Селеной?!

– Твоя первая картина, – Волна уложила голову ему на грудь и нежно обняла крылом. – Первый дракон, которого ты нарисовал.

– Но... Но... – потрясенный Ветер прижал драконессу к груди. – Но ты настоящая! Это не сон!

– Конечно, нет, – ласково отозвалась Волна. – Здесь все настоящее. Этот мир – твой, он был рожден твоим умирающим разумом в миг встречи с Творцом. Разве не задумывался ты, почему тут все правильно? Почему нет ни малейшего расхождения с мечтой?

Дракон зажмурился.

– Я думал... Я думал, что просто возродился на планете, похожей на мои сны!

– Не возродился, а породил, – драконесса нежно лизнула его в нос. – Глупыш, неужели до сих пор не догадался? Понятия рая и ада имеют куда более глубокий смысл, нежели примитивные сказки людей. И рай, и ад, живут прямо в нас. Когда ты умираешь, твоя душа касается Творца – и получает шанс воплотить единственную, подлинную мечту, о которой ты сам, зачастую, и не подозреваешь. Тот, кто терзался сомнениями, не искал мира с самим собой даже в душе – после смерти попадет в ад, сотканный им самим, а потому наиболее жуткий и беспощадный. Те же, у кого в сердце царил гармония, кто принимал себя без страха, без внутренней лжи – их ожидает мир, подобный этому, – драконесса обвела крылом изумительный пейзаж.

– Напекаешь, что я был святым? – улыбнулся Ветер.

– Наоборот, – серьезно ответила Волна. – Ты не был святым, и прекрасно это знал. Ты не лгал себе, не искал дешевого утешения в религии и замаливании мнимых грехов, не прятал их под маской фальшивого благочестия. Наши грехи никуда от нас не денутся, любимый – стань ты хоть очередным мессией для слепцов, не ведающих истинного значения слова «бог». Подумать только, они до сих пор ищут богов в небесах, вместо того, чтобы заглянуть к себе в душу!

Ветер в глубокой задумчивости склонил голову.

– Значит, все вокруг... Весь этот мир – действительно воплощение моих сокровенных грез? Именно моих, а не просто сходных с моими?

– Угу, – весело отозвалась Волна.

– Но ты полноценная личность, живая, как и я! Ты вовсе не марионетка!

– Марионетка?! – возмущенная драконесса отпрянула. – Ах, вот кем ты хотел бы меня видеть?!

– Нет! – Ветер содрогнулся. – Боже, конечно нет!

– Так чего ж ты удивляешься, что я настоящая? – Волна тепло улыбнулась. – Разве того желала твоя душа, творя этот мир? Разве мог ты, даже в подсознании, мечтать о марионетке?

Ветер дрожал.

– Я мечтал... Мечтал...

– О любви, – тихо ответила драконесса. – О любви ты мечтал. А любовь фальшь не приемлет. Чтобы исполнить мечту, чтобы действительно найти любовь – ты должен

был встретить меня. Такую, как я есть, а не такую, как тебе бы хотелось, и в то же время – именно ее, драконессу из мечты!

Она приблизилась и нежно, с бесконечной лаской, обняла его крыльями.

– Вот и встретил, – сказала просто. – И я ничуть не жалею, что встретила тебя. Я тоже мечтала о любви, там, на Земле. Ведь ты так и не нарисовал мне дракона...

Ветер понял, и сердце его чуть не разорвалось.

– Селена? – спросил он недоверчиво, еще боясь, что наваждение исчезнет. Драконесса поспешно прижала коготь к его губам:

– Тссс! Я Волна, сапфировая драконица, твоя возлюбленная и мать твоих будущих драконов. Больше никто!

Дракон, сглотнув, медленно кивнул и, поддавшись внезапному порыву, стиснул крылатую красавицу в объятиях.

– Ты моя... – шептал он, дрожа, – Моя единственная, моя мечта...

– Мр– р– р– р... – она мурлыкала от счастья. – Глупыш, как же ты был одинок...

Он зажмурился, не в силах ответить. Да ответа и не требовалось. Они долго стояли, обнявшись, чувствуя, как растворяются последние страхи и сомнения, последние несказанные слова, последние следы грязных оберток. И в самый, казалось бы, высший миг единения, когда души пели, а сердца трепетали от счастья – дракон вспомнил о городе, что видел на пути к горам. Его будто пронзил электрический ток.

– Город... – в глазах Ветра вспыхнул неземной, всепожирающий ужас. – О, небо, тот город...

Волна вопросительно подняла голову.

– Город?

Дракон покачнулся.

– Любимая! – его затрясло. – Нам надо улетать! На другой материк! А лучше на другую планету! Здесь нельзя рожать детей!

Драконесса в полном недоумении моргнула.

– В чем дело?

– Волна, родная... – простонал Ветер. – Моей сокровенной мечтой было не просто стать драконом! Я мечтал защищать драконов от всех опасностей мира, спасти их, беречь и хранить! Понимаешь?!

– Нет, – удивленно отозвалась крылатая. – Не понимаю.

Ветер затравленно огляделся.

– Город... – прошептал он, дрожа. – Город у подножья. Если этот мир – мой, если здесь воплотились мои мечты, тебе грозит опасность! Тебе и детям, и всем другим драконам, если они здесь живут!

– Но почему?! – изумленная Волна отпрянула. – Я не понимаю!

От боли дракон зажмурился, качаясь из стороны в сторону. Сердце его билось на грани разрыва.

– Потому что, родная, больше всего на свете я мечтал не встретить тебя, а защищать, – выдавил Ветер. – Мир моих грез – не рай, любимая, это ужасный, кровавый ад, где я бросаюсь от одной жертвы к другой, пытаюсь хоть как-то, хоть кому-то помочь! Именно такой станет эта планета после рождения драконят – их похитят или убьют, а я, в полном соответствии со своими грезами, получу шанс их спасти либо отомстить за гибель! Откуда иначе здесь взяться человеческому городу?! Если бы ты видела мои картины... Там, на Земле... – дракон сжался, накрыл голову крылом. Волна недоверчиво моргала.

– Ветер... – позвала она робко. – Ты не шутишь?

Дракон содрогнулся и резко вскочил, царапая скалы алмазными когтями.

– Я уничтожу этот город! – прорычал он свирепо, и в глазах Ветра вспыхнула дикая, всепожирающая неуправляемая драконья ярость. – Уничтожу прежде, чем они принесут тебе смерть!

– Нет! – вскрикнула Волна. – Так нельзя!

– Это мой мир!!! – рявкнул Ветер. – Я никому тебя не отдам!!! Никогда! Слышите, вы?! НИКОГДА!!!

Он вспорол крыльями небо и прынул в высоту, подобный гейзеру гнева, огненной вспышке безумия. Драконесса кричала ему вслед, но Ветер не слышал – дикий страх сжал ему сердце ледяными тисками. Он слишком хорошо знал СЕБЯ. Слишком хорошо представлял свое будущее.

Тучи мчались навстречу, тугие струи воздуха обтекали его совершенное тело. О, слепец, он и вправду верил, что оказался в раю! С какой стати ЕГО могли бы пропустить в рай?! Нет, все не так просто... Настоящий, подлинный ад как раз и должен

быть таким. Дать тебе ВСЕ, о чем ты даже мечтать боялся – а потом отобрать твоими собственными руками. Вырвать с мясом, ликуя от силы проклятия, от его изощренной красоты – боже, как хорошо что ты не существуешь, подобная жестокость потрясла бы даже тебя.

Вернер – Вернер, а не дракон Ветер – мчался в высоте, глотая слезы вместе с холодным туманом облаков. Будьте вы прокляты... Вы, сделавшие его таким! Вы, отучившие даже во сне верить в чудо! Отравившие душу и после смерти!

Далеко внизу, в разрывах туч, уже был видел мирный городок.

3

Далеко внизу, в разрывах туч, уже был видел мирный городок, и с кровожадным ревом Вернер пал с высоты, изрыгая огонь, способный обращать в пар даже алмазы. Захлебываясь ненавистью, он разносил аккуратные домики в глиняную пыль, таранил стены, терзал вопящих людей. Над городом встал запах смерти, подобный гниющей, бледной грибнице, что гнойной плесенью обволакивает кладбище и тянется в небо мокрыми жвалами. Вернер бил, рвал, впивался когтями, он чувствовал как с крыльев капает густая, маслянистая кровь, он вестником гибели пронесся над полями, орошая траву ядовитой росой, а вокруг ликовали черные гейзеры и стонала сама земля.

Бушевало пламя, но Вернера уже не тянуло в восторге порхать со светлячками – он позабыл это чувство. Он забыл все, делавшее его крылатым, зато вспомнил, что значит терять. Вспомнил о скорби, о боли. Он утратил чувство времени, обратившись в механизм, несущий смерть, но внезапно, когда Вернер, свирепо смеясь, добивал горящих людей – он заметил в стороне пару драконов. Изумленные, не верящие, Ветер и Волна стояли в дыму, глядя на горящий город.

Вскрикнув от удивления, окровавленный Вернер шагнул им навстречу. Драконесса затрепетала, дракон закрыл ее собой и бросил на человека недобрый взгляд.

– Прочь, – глухо произнес Ветер.

Шокированный Вернер попятился.

– Ты?! – вырвалось у него. Дракон ударил хвостом:

– Прочь! – крикнул он страшно, и дымный вихрь поволок Вернера к горящим домам.

Пламя с ликующим визгом вцепилось в его тело. Невыносимая, дикая боль исторгла из легких чудовищный вопль, и Вернер понял, что сейчас сгорит вместе с остальными людьми, а Волна – ЕГО Волна! – достанется другому.

– НЕТ!!! – в мгновение ока он впитал в себя всю ненависть гибнущих жителей города, и кошмарным металлическим облаком взмыл наперекор небу, – Это мой мир!!!

Щупальца, свитые из клинков, с душераздирающим скрежетом пробили землю, и черная фигура Вернера вознеслась над равниной. Потрясенные, Ветер и Волна распахнули крылья в попытке спастись, но Вернер с жестоким хохотом схватил драконессу.

– Ты моя! – прошипел он Волне, содрогаясь от ярости. – Моя!

Ветер в отчаянии бил его крыльями, царапал когтями, кричал, пытаясь спасти возлюбленную – Вернер отшвырнул его прочь.

– Как ты могла? – спросил он с мукой. – Как ты посмела предать?!

– Не я, – тихо ответила драконесса.

Вернер застыл. Издали, спотыкаясь и волоча изломанные крылья, к ним бежал дракон, но человек не видел его. Он смотрел только на драконессу.

– Отпусти, – негромко сказала Волна. – Ведь ты действительно любишь. Отпусти нас.

Вернер пошатнулся. С его кошмарного, изуродованного тела начали отрываться клочья тьмы, уносясь в небытие подобно лепесткам умирающего цветка.

– Ты моя... – прошептал Вернер. Из дыр, где некогда были глаза, сыпалась ржавая пыль. – Моя единственная...

Драконесса не ответила, лишь горько улыбнулась. И Вернер все понял. Вскрикнув от боли, он разжал клешни, отпуская крылатое создание. Волна метнулась к раненному дракону.

Они судорожно обнялись и молча, дрожа, смотрели, как ураган разрушает страшного ржавого колосса. Чудовище стремительно таяло, над ним образовалась

призрачная воронка, уносившая в пустоту последние капли ненависти. Вместе с Вернером исчезали и руины города, небо очищалось. Спустя короткое время, ничто на равнине более не напоминало о трагедии.

Волна, всхлипнув, обратила взор к своему дракону:

– Как ты?

Ветер с трудом улыбнулся.

– Нормально, я бывал и не в таких переде... ох, – он зажмурился от боли в сломанных крыльях. Драконесса содрогнулась:

– Идем, любимый. Тебе нужно отлежаться.

– Идем, – вздохнул Ветер, и они с Волной, не спеша, направились к горам.

Позади, зеленую долину медленно наполнял восторженный солнечный свет.

3

Далеко внизу, в разрывах туч, уже был виден мирный городок. Вернер приготовился нырнуть к нему, неся смерть и разрушение, но внезапно – как наяву – увидел будущее. Он ясно увидел, как падает с высоты огненной кометой, как разбивает глиняные домики в пыль. Он видел кричащих, пылающих людей, с воплями выпрыгивавших из окон – и видел себя, покрытого кровью и ненавистью, с не менее диким огнем, ядовито струившимся из глаз. Но не это остановило дракона – нет, в туманном видении он ясно увидел Волну. Как она стоит посреди пепелища, в ужасе глядя на дело его когтей. Как поднимает голову, и дракон сознает – пытаюсь ее спасти, он ее потерял.

Вернер увидел и более далекое будущее. Он видел, как возмущенные люди из других городов собирают армии, и оставившая его Волна, уже с детьми, мечется по миру в поисках спасения – по ЕГО МИРУ! Миру, сотворенному раем, только чтобы дать Вернеру шанс самолично бросить все, что он любил, в самый кошмарный ад, способный родиться в больном воображении злобного старика.

Он задрожал. Нет... Нет. Это ЕГО мир. И ему решать, каким будет будущее. Ему

– а не демонам, живущим в душе.

Вернер издал громкий, протяжный крик и, сложив крылья, ринулся в бездну. Не к городу, нет – незачем искушать тех людей радужной чешуей и драконовой костью, пусть любят Волной и малышами издали, как богами. Пусть не ведают, что и драконы смертны. Пусть верят – пока живы. Вернер даже успел улыбнуться, пока скалы мчались навстречу.

Пришел в себя он сразу, будто ничего не произошло. Удивленно моргнув, дракон приподнялся на крыле и потянул носом воздух. Странно... Этот сладковатый запах, он никогда не ощущал его раньше.

– Ветер!!! – с высоты, из-за туч, донесся родной голос. – Ветер, отзовись!!!

– Я тут! – крикнул он, и с неба, перепуганная, взволнованная, рухнула Волна.

– Ветер! – она судорожно стиснула его в объятиях. – Что случилось?! Я чуть с ума не сошла! Как ты здесь очутился?!

Дракон в полном недоумении провел крылом по глазам.

– Не знаю, – отозвался он удивленно. – Я... Будто... Проснулся? – предположил он неуверенно.

Волна счастливо вздохнула.

– Не пугай так больше, любимый... – она уложила голову ему на плечо. – Да?

– Ну конечно, родная! – дракон содрогнулся. – Прости.

– Все хорошо, – драконесса перевела дух. Нахмурилась, потянула воздух носом.

– Странно, что за запах?

– Ты тоже заметила? – оживился Ветер.

Выпустив дракона из объятий, Волна обошла его кругом и вскрикнула:

– Смотри!

Ветер быстро обернулся:

– Ой... – он попятился. – Бедняга...

Волна подняла взгляд.

– Наверно, сорвался с утеса, – сказала она тихо. – Значит, даже в этом мире есть смерть...

Дракон вздрогнул.

– Смерти нет, – ответил он ласково. Обняв любимую крылом, он нежно лизнул

ее в щеку. – Смерти нет, милая. Поверь, уж я-то знаю. Этот старик возродится в мире своих грехов и, быть может, станет сто крат счастливее, чем был здесь.

Волна вздохнула.

– Да... Да, ты прав. Но мы не можем так его бросить, это неправильно!

Ветер развел крыльями.

– Давай отнесем его в город? Люди знают, что делать в таких случаях.

– Верно! – обрадовалась драконесса. – Как раз познакомимся с соседями!

Ветер бережно поднял изломанное, почти невесомое тело древнего старца и распахнул крылья. В мягких лучах нарождающегося дня, сверкающие драконы взмыли навстречу небу и растворились в нем без следа. Лишь кровь на камнях еще какое-то время напоминала о трагедии, но Солнце все быстро исправило.

3

Далеко внизу, в разрывах туч, уже был виден мирный городок. Вернер приготовился нырнуть к нему, неся смерть и разрушение, но, внезапно, чье-то сверкающее, совершенное тело мелькнуло в высоте и Волна схватила дракона за плечи.

– Нет! – сказала она твердо.

Вернер дернулся.

– Отпусти!

– Нет, – Волна прижала его к себе, их крылья и сердца бились в едином ритме.

– Ты мой.

Пасть дракона приоткрылась звериной гримасой.

– Я должен тебя спасти, не меша...

– ТЫ МОЙ!!! – с неожиданной свирепостью рявкнула Волна. – Слышишь?!

Мой! Я не отдам тебя!!! Никогда!!!

– Кому? – еще не понимая, спросил Вернер.

Драконесса яростно рассмеялась.

– Ты решил, будто владеешь этим миром только лишь потому, что его создал?!

– она рывком обернула Вернера к себе, ветер от мощно загибающихся крыльев рвал облака в клочья. – Так у меня для тебя сюрприз! Мы с Ветром свободны!

– Вы с... – Вернер захлебнулся. Волна свирепо кивнула:

– Да! И тебе придется нас отпустить!

Вернер молчал. Грудь драконессы судорожно вздымалась от волнения, из ноздрей со свистом вырывалось дыхание. Несколько невыносимо долгих мгновений они смотрели друг другу в глаза, и внезапно зрачки дракона расширились.

– Нет... – прошептал он. Дернулся, закричал, прижал ладони к вискам. За спиной, в вихре, рожденном его работающими крыльями, появилась мутная тень.

Волна схватила любимого за руки. Она ясно видела, как тень, сотканная из пустоты, начала обретать плоть – маленького, бескрылого человека. Измученный Ветер из последних сил держался в воздухе.

– Теперь вы свободны... – прошептал человек и беззвучно рухнул вниз.

Драконесса вскрикнула:

– Нет!

– Я поймаю... – выдохнул Ветер. Он с такой яростью забил крыльями, что на миг, казалось, и впрямь обратился в ветер – неистовый радужный ураган, обладающий сердцем. Волна догнала дракона лишь у самых скал.

Он стоял на земле, в лучах восходящего солнца, бережно держа на руках щуплую человечью фигурку. Дрожа от волнения, драконесса опустилась рядом и обняла Ветра крыльями.

– Успел? – спросила тихо.

Дракон кивнул. Человек, тем временем, с трудом приоткрыл глаза. Его губы тронула счастливая улыбка.

– Селена... – прошептал он. – Я все же... Увидел тебя... Пусть даже после смерти...

– Не напрягайся, тебе нужен покой! – драконесса заботливо склонилась над человеком. – Теперь все будет хорошо.

Вернер опустил веки.

– Драконы, – произнес он чуть слышно. – Я видел драконов, я даже был одним из вас... Притворялся, что был. Теперь и в самом деле можно умереть.

Волна гневно фыркнула.

– Да что же ты за существо такое?! Сколько можно загонять себя в ад?! – она

рывком развернула прозрачные крылья, объяв сказочный пейзаж вокруг. – Поверь наконец! Поверь!!! Счастье существует!!!

Человек тяжело вздохнул.

– Не могу, – признался он тихо. – Не умею.

– Умеешь, – весело отозвался Ветер. – Еще как умеешь! Если б не умел, то и мы с Волной не знали бы счастья.

– Просто ты слишком долго боялся, – ласково добавила драконесса. – Слишком долго был одинок. А теперь у тебя есть друзья.

– Друзья! – не веря, прошептал Вернер.

Драконы счастливо рассмеялись.

– Ну что, понял наконец, каким было твое сокровенное желание? – спросила Волна. – Защищать, спасать, оберегать – кого? Крылатых ящеров с рогами? Или, все же, друзей?

Человек молча смотрел на драконессу. Она ждала. И он, наконец, сумел спросить:

– Но вы же драконы, – едва слышно произнес Вернер. – Вы совершенны, бессмертны, прекрасны, вы умеете летать! Как я могу мечтать о вашей дружбе? Посмотрите на меня!

– Смотрим, – спокойно ответил Ветер. – И что же?

– Я не достоин вас!

– Зачем же тогда нас придумывать? – усмехнулся дракон.

Вернер отпрянул.

– Я не придумал вас! Вы живые!!! Настоящие!!!

– Так ты признаешь, что мы свободны? – уточнила Волна. – Признаешь, что мы живые драконы, а не просто создания твоего разума?

– Да! – выдохнул человек. – ДА! Я отдам жизнь, отдам все во Вселенной, только бы дать вам свободу!

Драконесса бросила взгляд на Ветра и оба весело рассмеялись.

– Что ж, – Волна присела на хвост и задумчиво склонила голову на бок. – В таком случае...

Она протянула Вернеру руку:

– Будем друзьями?

Эпилог

– Ну, вот... – смущенно заметил Дрейк, зажигая в комнате свет. – Я обещал показать его последнюю картину...

Эльза тепло улыбнулась.

– Я жду.

Вздохнув, Дрейк кивнул и вынул из шкафа небольшое, затянутое драпировкой полотно. Уложив его на стол плашмя, он придвинул лампу и жестом подозвал Эльзу.

– Гляди.

Она подошла. Довольно долго люди молча смотрели на картину, не в силах отвести взгляда. Изображен был человек без лица, стоявший на коленях перед зеркалом. Тощий, в простой белой рубаше – он как бы застыл на середине движения, казалось, еще миг – и рука взметнется вверх, заслоня пустое лицо от чего-то, глядевшего из зазеркалья. Но композиция не позволяла видеть, что же там отражается – зеркало было показано с изнанки, мрачным темным пятном оно заслоняло правую часть картины.

– Странно... – прошептала Эльза. – Это первое его полотно, где нет дракона...

– Есть, – внезапно сказал Дрейк. Подняв голову, он встретился с девушкой взглядом. – Есть.

Рука указала на зеркало. Содрогнувшись, Эльза кивнула и, поддавшись внезапному порыву, прижалась к мужчине. Тот обнял ее за плечи.

– Давай уйдем? – тихо спросила она.

Дрейк молча отключил настольную лампу, и, в полумраке, они с Эльзой покинули опустевшее логово.

Конец